

Профилактика агрессии и асоциальности несовершеннолетних

А.А. Реан

Научный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Поступила 14 мая 2018/ Принята к публикации: 27 мая 2018

Prevention of aggression and antisocial behaviour in adolescents

Arthur A. Rean

National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia

Received May 14, 2018 / Accepted for publication: May 27, 2018

Актуальность (контекст) тематики статьи. Проблема профилактики асоциального поведения несовершеннолетних актуальна потому, что делинквентное, противоправное поведение детей и подростков является мощным фактором риска асоциального развития личности в целом, фактором, отрицательно влияющим на всю их дальнейшую жизнь.

Цель: проанализировать причины и последствия асоциального развития личности детей и подростков, рассмотреть теоретические исследования, посвященные профилактике асоциального поведения и преступности несовершеннолетних, безнадзорности и беспризорности, а также реабилитации и ресоциализации таких детей и подростков.

Описание хода исследования. В статье изучается проблема подростковой агрессии в современном российском обществе. Работа опирается на широкий круг зарубежных и отечественных исследований, посвященных данной проблеме, анализ нормативно-правовых документов и региональных практик, а также данные опроса российских подростков, проведенного автором в 2017 году.

Результаты исследования. Показано, что психологическая деформация семьи и системы отношений в ней оказывают непосредственное влияние на формирование девиантного, асоциального поведения подростков. Выявлена также значимая отрицательная корреляционная связь между школьным климатом и агрессивностью школьников. Были обнаружены высокие значимые положительные интеркорреляции между индикаторами школьного климата: безопасностью школы и отношениями учителей с учащимися. Установлено, что дети, не вовлеченные в ситуацию школьной травли, оценивают климат и безопасность в школе значительно выше, чем дети, которые включены в эту ситуацию. Эта закономерность характерна для всех участников травли, независимо от их роли в ситуации – жертвы, агрессора или наблюдателя.

Выводы. На основании рассмотренных в публикации данных даны рекомендации, которые могут быть учтены при формировании государственной политики по профилактике асоциального поведения и агрессии несовершеннолетних. Особо отмечается значимость совместной деятельности школы и семьи, которая может быть эффективным инструментом предупреждения подростковой агрессии.

Ключевые слова: противоправное поведение, агрессия, подростки, асоциальное поведение, семья, школа, педагоги, психологическая служба.

Background. The issue of preventing antisocial behavior in the juvenile is relevant nowadays as delinquent, unlawful behaviour in children and adolescents is a powerful risk factor of asocial development of the personality on the whole, and also the factor that negatively affects their entire future.

The Objective is to analyze the causes and consequences of the asocial development in children and adolescents, to consider theoretical studies devoted to the prevention of antisocial behaviour and juvenile delinquency, neglected and homeless children and adolescents, and their rehabilitation and resocialization.

Design. The paper studies the issue of adolescent aggression in modern Russian society. The paper recites a wide range of foreign and Russian research, analyses regulatory and legal documents and regional practices, and also employs the data of the author's survey of Russian adolescents conducted in 2017.

Research results. Family reshaping in terms of psychology and relationship between family members have a direct effect on deviant or antisocial behaviour in adolescents. A significant negative correlation between the school climate and the aggressiveness of schoolchildren was revealed. High positive intercorrelations within the indicators of the school climate were found to be high: school safety and teacher-student relations. Children who are not involved in bullying, assess the climate and school safety significantly higher than the children who are bullied. This pattern is typical for all participants in the persecution, regardless of their role, i.e. the victim, the aggressor or the observer.

Conclusion. Based on the data reviewed, the recommendations given can be taken into account when establishing the state policy on preventing antisocial behaviour and the aggression in the juvenile. The significance of the joint school and family measures that can be an effective tool for preventing teenage aggression is drawn special attention to.

Keywords: unlawful behavior, aggression, adolescents, asocial behaviour, family, school, schoolteachers, psychological service.

Задача профилактики асоциального поведения несовершеннолетних была актуальна всегда. Это напрямую связано с количеством несовершеннолетних, проявляющих асоциальное и делинквентное поведение. Тема актуальна еще и потому, что делинквентное, противоправное поведение детей и подростков является мощным фактором риска асоциального развития личности в целом, фактором, отрицательно влияющим на всю их дальнейшую жизнь. Криминологическая статистика свидетельствует, что рецидивная преступность среди тех, кто попал в места лишения свободы в возрасте до 18 лет, существенно выше, чем среди тех, кто попал туда впервые во взрослом возрасте. По данным исследований 60–65% рецидивистов – это люди, у которых правонарушающее поведение впервые было зафиксировано в несовершеннолетнем возрасте (Игошев, Миньковский, 1989). Поэтому предотвращение преступности несовершеннолетних можно рассматривать и в качестве фактора сужения базы и профилактики преступности в целом.

Наибольшую опасность, с точки зрения рисков криминальной агрессии, по нашему мнению, представляет собой первая типологическая группа – смысловая агрессия. Входящие в эту группу лица отличаются антисоциальной или асоциальной направленностью личности

В последние годы, по официальной государственной статистике, число правонарушений несовершеннолетних и лиц, их совершивших, неуклонно снижается. Участниками преступлений в 2016 году стали 48,6 тысяч подростков (в 2014 году – 54,4 тысячи подростков). Несовершеннолетними и при их участии совершено 53,7 тысяч преступлений (в 2014 году – 59,5 тысяч преступлений). В 2016 году на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних состояли 142,8 тысяч несо-

вершеннолетних, в 2014 году – 159,8 тысяч несовершеннолетних. Несмотря на это, в силу вышеназванных причин тема остается крайне актуальной. Произошедшие в последнее время резонансные преступления, убийства и попытки убийства, совершенные несовершеннолетними, добавляют этой теме остроты и драматизма.

В качестве драматических эксцессов можно вспомнить нашумевшие случаи агрессии несовершеннолетних. Например, в январе 2018 года в школе № 5 в поселке Сосновый Бор (близ Улан-Удэ, Республика Бурятия) подросток напал с топором на учеников и учительницу, а также попытался поджечь здание. В результате инцидента получили ранения шесть детей и учительница. В сентябре 2017 года в городе Ивантеевке (Московская область) в школе № 1 15-летний старшеклассник открыл стрельбу в классе и напал на учительницу с кухонным топориком. В результате возникшей паники три учащихся выпрыгнули из окна, один из них получил перелом. Открытую черепно-мозговую травму получила учительница. В октябре 2017 года в туалете школы № 85 Дзержин-

Все эти и подобные им случаи требуют тщательного психологического анализа и специальных исследований. Понимая, что здесь речь идет не просто об агрессии, а о криминальной агрессии, при анализе этих случаев следует использовать результаты специальных психолого-криминологических исследований и построены на их основе типологии. Так, на основе большого и многоаспектного эмпирического исследования личности преступников, совершивших насильственные преступления, И.А. Кудрявцев и Н.А. Ратинова создали психологическую типологию криминальной агрессии. В этой типологии выделяются семь типов криминальной агрессии: смысловая агрессия, функционально-утилитарная агрессия, привычно-неконтролируемая агрессия, ситуативно-оборонительная агрессия, агрессия, обусловленная аффективной целью, катастрофическая агрессия, агрессия, обусловленная неадекватной актуализацией профессиональных стереотипов (Кудрявцев, Ратинова, 2000). По нашему мнению, это по существу не психологическая классификация агрессии, а психологическая типология личности преступников, совершивших насильственные преступления. Но, применительно к обсуждаемой здесь проблеме, в этом как раз и состоит ее ценность. Потому что в данной типологии на основе эмпирических исследований доказательно описаны личностные, характерологические особенности преступников и риски их противоправного поведения в определенных специфических социальных ситуациях.

Наибольшую опасность, с точки зрения рисков криминальной агрессии, по нашему мнению, представляет собой первая типологическая группа – смысловая агрессия. Входящие в эту группу лица отличаются антисоциальной или асоциальной направленностью личности. Для них характерны максимально высокие показатели агрессивности, по сравнению со всеми другими группами. Установки на конфронтацию в этой группе оказались также максимальными. Насильственно-доминирующий стиль межличностного взаимодействия оказывается у этих лиц явно выраженным. Для их отношений с окружающими характерны недоверчивость, подозрительность и враждебность.

Артур Александрович Реан – профессор, доктор психологических наук, академик РАО, руководитель Лаборатории профилактики асоциального поведения НИУ «Высшая школа экономики». E-mail: shagalovil@gmail.com <https://www.hse.ru/org/persons/198024489>

Важной особенностью этих лиц является деформация морально-этической сферы, девальвация ценности человеческой жизни, эмоциональная холодность (Кудрявцев, Ратинова, 2000).

По данным исследований, преимущественно зарубежных, подростки, которые устраивали стрельбу в школах, нередко подвергались буллингу со стороны одноклассников или учителей (Shetgiri, 2013). Следует отметить, что от буллинга страдают не только его жертвы, но и инициаторы травли, которые испытывают проблемы с социальной адаптацией и демонстрируют склонность к противоправному поведению и насилию (Wang, Wang, 2010; Shetgiri, 2013; Wang et al., 2017; Voulgaridou, Kokkinos, 2015; Volk et al., 2018; Shaheen et al., 2018; Солдатова, Рассказова, Нестик, 2017). По результатам масштабного исследования, проведенного под эгидой Всемирной организации здравоохранения в 2016 г. (в исследовании приняли участие 42 страны из Европы и Северной Америки, опрошено более 220 тысяч детей), было установлено, что с буллингом сталкивались в среднем около 12% мальчиков и 10% девочек. При этом следует подчеркнуть, что это именно средние показатели по большому числу стран. В целом имеются значительные межстрановые различия.

Результаты исследования, проведенного Г.У. Солдатовой с соавторами в 2010 году, показывают, что у нас в стране 23% детей, пользующихся интернетом, становились жертвой буллинга (не обязательно кибербуллинга). В Санкт-Петербурге эта цифра достигает 35%, что значительно превышает средний показатель по России (Солдатова и др., 2012). Пятая часть российских детей – жертв буллинга подвергается травле либо каждый день, либо 1–2 раза в неделю. Каждый десятый российский школьник сталкивается с буллингом в интернете. В России 25% детей отмечают, что были субъектами буллинга в реальной жизни или в интернете. Следует отметить, что по этому показателю Россия превосходит европейские страны в два раза (Солдатова, Рассказова, Нестик, 2017).

Результаты социологических исследований представлений россиян о том, как изменились люди и отношения между ними за последние 15–20 лет, под-

тверждают драматичность ситуации. Так, по мнению 68% респондентов агрессивность людей возросла, только 11% считают, что она ослабла, и 15% полагают – осталась на прежнем уровне. Доброжелательность, напротив, по мнению 60% опрошенных, снизилась, только 10% считают, что она возросла, 23% полагают, что она осталась на прежнем уровне. Снижение честности отметили 60% опрошенных, а ее усиление – только 6%, 26% полагают, что этот показатель остался на прежнем уровне. Усиление цинизма констатируют 61% опрошенных респондентов, а его ослабление – только 10%, 17% считают, что изменений здесь нет (Горшкова, Петухова, 2015).

Такие негативные тенденции характерны не только для России, но и для других стран. В США, например, количество американцев, считающих, что «людям надо верить» упало с 55% в 1960 г. до 32% в 2009 г., то есть большинство граждан США перестали доверять друг другу (Millenials in ..., 2014; Зимбардо, Коломбе, 2017). Эти данные отражают мнение всего народонаселения страны. Однако согласно исследованию 2012 г., среди молодежи доля тех, кто полагает, что «людям надо верить», еще ниже и составляет всего 19%. В Великобритании степень доверия упала с 56% в 1959 г. до 30% в 2008 г. (Larsen, 2013).

По мнению Ф. Зимбардо и Н. Коломбе, корни этого феномена надо искать в деятельности СМИ, которые «постоянно говорят о разрыве между богатыми и бедными, о коррупции, политических махинациях, лжесвидетельствах, когда репутации именитых людей лопаются как мыльные пузыри» (Зимбардо, Коломбе, 2017, С. 66). Нам представляется, что такая интерпретация, хотя и справедлива в определенной мере, все-таки является значительным упрощением. Описанные феномены, надо признать, это не фантазии СМИ, а отражение реальных фактов. Другое дело, что есть много других реальных фактов – позитивных, к которым СМИ испытывают гораздо меньше интереса и, соответственно, более скудно и менее ярко их отражают.

По проблемам агрессии и насилия несовершеннолетних у нас в стране проводятся многочисленные конференции, круглые столы и семинары. Осознание

чрезвычайной важности этой проблемы привело к созданию специальной межведомственной рабочей группы при Правительственной комиссии по делам несовершеннолетних, целью которой является подготовка предложений по мероприятиям, направленным на предотвращение случаев противоправного поведения несовершеннолетних, их агрессии и асоциального поведения. Разработана и утверждена решением Правительства РФ в марте 2017 года Концепция развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2020 года. Хотелось бы обратить внимание на присутствие в названии Концепции термина «безнадзорность». Это означает прямую отсылку к теме семьи. Термин «безнадзорность», в отличие от понятия «беспризорность», означает, что у ребенка есть семья, что проживает он дома, а не на улице. Но в силу разных причин семья и родители не осуществляют необходимый присмотр за ребенком, не участвуют должным образом в его жизни. Основное время «безнадзорный» проводит на улице, и именно улица оказывает основное влияние на развитие его личности.

Возвращаясь к Концепции, замечу, что в целом – это очень грамотный, сбалансированный и научно обоснованный документ. Совершенно справедливо в концепции подчеркивается, что современные эффективные модели системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних основываются на личностно ориентированном подходе. Также абсолютно верно подчеркивается, что профилактическая работа должна быть, прежде всего, направлена на укрепление института семьи и на профилактику семейного неблагополучия. Наконец то, о чем мы многократно говорили на научных конференциях, опираясь на результаты исследований, закреплено на уровне правительственного документа.

Можно также с удовлетворением отметить, что в концепции прямо говорится о том, что особенно остро в условиях психологического и социального неблагополучия несовершеннолетних воспринимаются проблемы в сфере их обеспечения психологической и социальной помощью. Может показаться, что здесь

Должна быть серьезно переосмыслена роль и значение педагога в системе психологической службы школы. Учитель должен стать важнейшей составляющей этой службы, ее активным элементом. Концептуальной основой психологической службы должна стать не диада «психолог – учащийся», а триада «психолог – педагог – учащийся»

нечему удивляться и что это вещи очевидные, если не сказать тривиальные. Однако мы намеренно акцентируем внимание на этом положении. На самом деле все не так очевидно, если появляются предложения, причем на самом высоком государственном уровне, ликвидировать систему школьной психологической службы в силу ее ненужности. Здесь мы имеем ввиду некоторые последние инициативы, прозвучавшие в Государственной Думе РФ. Справедливости ради надо отметить, что в самой Государственной Думе их поддерживают не все. В действительности школьную психологическую службу надо развивать, расширять и поддерживать. Современные зарубежные научные исследования и практика подтверждают данный тезис (Yüksel-Şahin, 2015). Дела в этой области на сегодняшний день обстоят неважно. В 2015/2016 учебном году педагоги-психологи имелись в штате только каждой второй школы – точнее в 53,1% школ. При этом нагрузка на каждого психолога составляет примерно 880 учеников. В таких условиях, при так называемой «клинической модели» организации деятельности школьной психологической службы, принятой в настоящее время, эффективность работы психолога будет крайне невысокой.

Подросток уходит в группы асоциальной направленности не спонтанно и не беспричинно. Им движут вполне рациональные мотивы. Как правило, в таких группах этим подросткам психологически комфортно

Уже подготовлены новые нормативы нагрузки школьного психолога. Они значительно ниже – предположительно, на каждого психолога будет приходиться почти в два раза меньше учащихся, чем сейчас. Однако только мерами экстенсивного характера проблему не решить. Требуется серьезное изменение организационной модели школьной психологической службы и ее концепции. Мы

Неуспешные в академическом смысле подростки не могут удовлетворить в обычной школьной группе одну из базовых потребностей личности – потребность в уважении и признании

полагаем, что должна быть серьезно переосмыслена роль и значение педагога в системе психологической службы школы. Учитель должен стать важнейшей составляющей этой службы, ее активным элементом. Концептуальной основой психологической службы должна стать не диада «психолог – учащийся», а триада «психолог – педагог – учащийся».

В большинстве регионов России существуют центры психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи несовершеннолетним. По данным на 2015 год такие центры работали в 65 субъектах Российской Федерации. Считается, что именно эти центры оказывают действенную помощь несовершеннолетним с девиантным поведением. Однако в действительности сами специалисты таких центров нуждаются в профессиональной помощи по работе с такими детьми и подростками. Базовой подготовки, пусть это даже серьезное классическое образование, в таких случаях зачастую не хватает. Нужны специальные программы повышения квалификации для специалистов центров профилактики делинквентности и агрессии несовершеннолетних. Нужны также аналогичные программы для школьных психологов и, тем более, для учителей.

Такие программы должны быть нацелены на формирование системных, социально-личностных и инструментальных профессиональных компетенций. В числе которых надо, в первую очередь, назвать следующие:

– осуществление диагностики актуального эмоционального состояния, личностных качеств, семейных и социальных характеристик учащихся, которые

- повышают вероятность вовлечения их в асоциальное поведение;
- оценивание характеристик взаимодействия внутри коллектива учеников с точки зрения вероятности возникновения у его членов асоциального поведения, квалифицированное выявление факторов риска агрессивного поведения или буллинга;
- целенаправленное осуществление мер профилактики возникновения агрессивного поведения и буллинга в школьном коллективе;
- планирование и организация мероприятий по коррекции агрессивного поведения и борьбе с буллингом в школьном коллективе, которые воздействуют не только учащихся, но и педагогический состав, и родителей;
- взаимодействие с организациями социальной защиты и здравоохранения, а также с подразделениями по делам несовершеннолетних по вопросам сопровождения учащихся, склонных к асоциальному поведению.

Эти программы разработаны или разрабатываются в некоторых научных и учебно-научных центрах, которые профессионально и целенаправленно занимаются вопросами профилактики асоциального, агрессивного поведения несовершеннолетних и буллинга, изучением механизмов и факторов такого поведения. В частности, такая программа разработана в лаборатории профилактики асоциального поведения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и проходит апробацию в различных профессиональных группах, (Реан, Коновалов, Новикова, 2018).

Следует отметить, что подросток уходит в группы асоциальной направленности не спонтанно и не беспричинно. Им движут вполне рациональные мотивы. Как правило, в таких группах этим подросткам психологически комфортно. Согласно концепции А.А. Реана об интеракционном конфликте самооценки (Реан, 2013), подросток попадает в асоциальные группы следующим образом. Неуспешные в академическом смысле подростки не могут удовлетворить в обычной школьной группе одну из базовых потребностей личности – потребность в уважении и признании. Школа стигматизирует таких подростков

и буквально «вытесняет, выталкивает» их из традиционной группы. Поэтому «вытесненные» ищут другие группы, в которых их базовые социальные потребности – аффилиативные, в признании и уважении – были бы удовлетворены. Такие группы рано или поздно находятся. И зачастую ими оказываются группы с асоциальной направленностью, с контрнормативной шкалой ценности. Но субъективно именно в этой группе подросток достигает психологического комфорта. Поэтому так часто терпят провал попытки взрослых: родителей, педагогов, психологов, сотрудников инспекций по делам несовершеннолетних – «вытащить» подростка из такой группы. Следовательно, действенным механизмом, по нашему мнению, будет (Реан, 2013; Реан, Коломинский, 2008) не просто удаление подростка из асоциальной группы, а включение его в иную группу просоциальной направленности, в которой удовлетворялись бы его базовые потребности в уважении и признании. Ближкую к нашей позиции высказывают и некоторые криминологи, которые подчеркивают, что тактика отрыва от неблагоприятно влияющей среды неизмеримо менее эффективна, чем тактика ее нормализации (Игошев, Миньковский, 1989). Конечно, важно разрабатывать специальные программы и проводить обучение по сокращению агрессии среди подростков с асоциальным бэкграундом, способствующее решению проблемы агрессивного поведения (Кауа, Вузлу, 2016). Но, еще более важно создавать специальные программы по профилактике агрессии, в которые будут вовлекаться подростки из более широкой социальной группы – среды социального окружения, включающей и правопослушных подростков.

Чтобы работа по профилактике противоправного поведения и агрессии несовершеннолетних проходила эффективно, нужны не только соответствующие знания, профессиональная компетентность учителей и школьных психологов. Кроме того нужна соответствующая мотивация на личностном уровне (учителя, школьные психологи) и на уровне организации (школа). Чтобы этого достичь, критерием эффективности работы школы должны быть не только результаты ЕГЭ, но и психологический климат, воспитательные достижения школы.

Изменения критериев оценки школы как социального института неизменно приведут к изменению профессионального сознания учителя. В частности, к изменениям восприятия и оценивания учащихся на личностном уровне

Изменения критериев оценки школы как социального института неизменно приведут к изменению профессионального сознания учителя. В частности, к изменениям восприятия и оценивания учащихся на личностном уровне. Пока же, как показывают наши исследования, центральными факторами позитивного или негативного оценивания педагогом личности учащегося являются послушание, дисциплинированность и отношение к учебе (Реан, 2008). Это же касается и отношения к делинквентным подросткам. А в этом случае именно глубокое проникновение в личность подростка является краеугольным фактором построения успешной воспитательной и коррекционной работы. Вместе с тем, проанализировав характеристики, которые педагоги дали делинквентным подросткам, мы, например, обнаружили, что в 88% случаев такая важная единица анализа личности, как самооценка подростка, вообще отсутствует (Реан, 2008). Комментируя наши исследования, И.С. Кон отмечает, что учитель не видит за учеником личность. Игнорирование педагогом представлений школьника о самом себе, его образа «Я» неизменно проявляется и в общем стиле воспитания (Кон, 2009).

Как справедливо пишет А.В. Юревич (Юревич, 2016), в настоящее время особенно актуально возвращение школе ее воспитательной функции, в 1990-е годы изъятой у нее реформаторами, превратившими этот институт в некое подобие сервисной структуры по оказанию «образовательных услуг». Вместе с тем, возвращение школе воспитательной функции должно иметь организационное и мотивационное обеспечение. Поэтому мы говорим о расширении системы критериев оценки эффективности работы школы.

В нашей лаборатории – лаборатории профилактики асоциального поведения НИУ ВШЭ в 2017 году мы организовали и провели исследование школьной агрессии и буллинга. В нем на основе случайной репрезентативной выборки по полу, возрасту и другим социально-демографическим параметрам приняли участие

около 1000 учащихся 9–10 классов из шести регионов России. При этом регионы представляли разные федеральные округа страны.

В исследовании, в частности, была установлена значимая отрицательная корреляционная связь между школьным климатом и агрессивностью школьников. Иначе говоря, чем хуже был школьный климат, тем выше – уровень агрессивности. Кроме того, были выявлены высокие значимые положительные интеркорреляции между показателями школьного климата: безопасностью школы и отношением учителей с учащимися.

Очень показательны также то, что дети, не вовлеченные в ситуацию буллинга, оценивают школьный климат и безопасность в школе значимо выше, чем дети, которые включены в эту ситуацию. Важно при этом, что такая закономерность характерна для всех участников буллинга, независимо от их роли в ситуации: жертвы, булли или наблюдателя.

Есть мнение, что постановка вопроса о включении в критерии эффективности работы школы показателей школьного климата и воспитательных достижений неправомерна – учитель и так перегружен уроками и методической подготовкой к ним. Такие суждения характерны, как правило, для профессиональных педагогов, а также для представителей органов управления системой образования. Однако, соглашаясь с тезисом о большой загруженности педагогов, принять эти возражения нельзя. Хотя бы потому, что надо учитывать азбучную для педагогики и педагогической психологии истину – процесс образования – это двухсоставной процесс: обучения и воспитания. Очевидно, надо искать конкретные организационные пути снятия учебной перегрузки педагогов в целях осуществления действенной интеграции в их деятельность процесса воспитания.

В осуществлении профилактики асоциального поведения и агрессии несовершеннолетних ключевая роль принадлежит семье. Школа, несомненно, тоже принимает активное участие в этой работе. Но все-таки семье отводится в ней

Процесс социализации личности начинается в семье и на протяжении нескольких первых лет жизни почти исключительно в ней и осуществляется. Влияние семьи на процесс социализации и развития личности остается чрезвычайно высоким и в последующие годы, когда к этому процессу подключаются другие институты социализации

основное место. Процесс социализации личности начинается в семье и на протяжении нескольких первых лет жизни почти исключительно в ней и осуществляется. Влияние семьи на процесс социализации и развития личности остается чрезвычайно высоким и в последующие годы, когда к этому процессу подключаются другие институты социализации: школа, улица, группы сверстников и другие (Кон, 1989; Реан, 2013; Массен и др., 1987; Fang et al., 2009). Как показывают исследования, даже в подростковом возрасте, когда максимально проявляется тенденция ориентации на группу сверстников и отдаления от родителей («обесценивание родителей»), даже и тогда семья является мощным фактором влияния на подростка и его поддержки в трудной жизненной ситуации (Реан, 2013; Кон, 1989; Ремшидт, 1994; Реан, 2010).

Мы хотим обратить внимание на случаи (очевидно, они самые трудные), когда родители активно отказываются от какой-либо помощи, считая это вмешательством в семью. Семья, действительно, – это «интимный» институт, и она настороженно относится к любому вмешательству извне

О роли семьи в генезисе асоциального и агрессивного поведения мы уже неоднократно писали ранее (Реан, 2015; Реан, 2016; Реан, 2008; Реан, 2010). В этих работах был проведен анализ современных представлений о роли семьи в формировании асоциального поведения, о семейных факторах, об особенностях семейного воспитания, влияющих на развитие агрессивности и склонности к насилию. Там приведены результаты эмпирических исследований на эту тему, в том числе и различных наших исследований. Эта тема остается неизменно актуальной, ежегодно выходят все новые и новые работы, посвященные анализу семьи, внутрисемейных конфликтов как источников агрессии детей (Li et al., 2017; Buelga, Prieto, Cava, 2017; Wang et al., 2018; Guo, 2018). Хочется дополнительно отметить результаты одного относительно нового эмпирического исследования, посвященного влиянию родителей, их системы

ценностей и особенностей восприятия мира на поведение детей. В данном исследовании была выявлена положительная корреляция между ориентацией матери на ценности «власть – богатство» и «самоутверждение» и выраженностью асоциальности ребенка. Ориентация матери на ценность «достижение» коррелирует с отсутствием стремления понаравиться сверстникам (Ениколопов и др., 2014). Таким образом, ориентация матери на нетрадиционные для женщин маскулинные ценности усиливает тенденцию ребенка к отчужденному поведению. Кроме того, для внесемейного поведения детей-дошкольников, чьи матери имеют враждебную картину мира (подозревают окружающих в зависти, презрительном отношении и равнодушии), характерен ряд важных особенностей, серьезно затрудняющих их социальную адаптацию.

У таких детей отсутствует интерес к тому, нравятся ли они, любят ли их, обращают ли на них внимание взрослые и сверстники. Эти дети не пытаются получить одобрение, избегают контакта, когда он предлагается другим человеком, не принимают направленную на них симпатию (Ениколопов и др., 2014).

Оказание консультативной помощи семье по вопросам профилактики противоправного поведения и агрессии несовершеннолетних может сопровождаться серьезными трудностями. Трудности могут быть разного характера. Мы хотим обратить внимание на случаи (очевидно, они самые трудные), когда родители активно отказываются от какой-либо помощи, считая это вмешательством в семью. Семья, действительно, – это «интимный» институт, и она настороженно относится к любому вмешательству извне. К тому же, некоторые общественные организации агрессивно возражают против лю-

бых попыток вмешательства в дела семьи. Однако работа по оказанию помощи семье в профилактике противоправного и девиантного поведения несовершеннолетних крайне важна. Конечно, при условии, что она осуществляется профессионально. Не обязательно эта работа сводится к интервенции в семью. Здесь очень важна организация совместной деятельности: школа – родительское сообщество (через родительские общественные организации) – семья. Мы должны констатировать, что, к сожалению, еще нет проработанных устойчивых эффективных механизмов и практик такой организации. Однако определенный опыт все-таки имеется, и он нуждается в научном анализе, психолого-педагогическом осмыслении и обобщении.

Важно обратить внимание на то, что асоциальное поведение несовершеннолетних имеет место не только в неполных семьях (Fomby and Cherlin, 2007; Cavanagh, 2008), и не только в семьях группы риска (Heard, 2007a, b; Fomby, Sennott, 2012), но часто и во внешне вполне благополучных семьях. Как осуществить в таком случае, при отсутствии явных признаков рисков их раннюю диагностику? Здесь возникают серьезные трудности своевременного распознавания признаков девиации поведения. Хотя базовые принципы профилактической и коррекционной работы одинаковы во всех случаях: усиление внимания родителей к жизни их ребенка, установление более высокого уровня взаимопонимания.

В исследовании А.А. Реана, посвященном изучению отношения старшеклассников к институту семьи и семейным ценностям, респондентов, в частности, спрашивали: «Хотите ли вы, чтобы ваша будущая семья была похожа на ту, в которой вы выросли?». В исследовании были задействованы две выборки. Одну составили подростки группы социальной нормы, с просоциальным поведением, другую – подростки с девиантным, асоциальным поведением. Положительно на вышеназванный вопрос в группе «норма» ответили 41% респондентов, а в группе «девиантные» – только 26% подростков. Отрицательно ответили на вопрос в группе «норма» 35%, а в группе «девиантные» – 55% респондентов. Затруднились с ответом в первой группе 24%, а во второй груп-

пе – 19% (Реан и др., 2018). Результаты, даже по группе «норма», конечно, не назовешь отрадными. Ведь более половины старшеклассников (вместе с затруднившимися с ответом) не могут считать свою нынешнюю семью образцом, по которому они хотели бы строить свое семейное будущее. В группе девиантных подростков этот показатель еще больше, он составляет 76%. Заметим, что подростков, не определившихся со своей позицией, в группе «девиантные» меньше, чем в группе «норма». Таким образом, девиантные подростки значительно более негативно воспринимают свою родительскую семью, что в целом вполне ожидаемо. Этот факт еще раз доказывает решающее влияние семьи, системы отношений в ней на формирование девиантного, асоциального поведения подростков. Весьма тревожным является тот факт, что среди подростков группы «норма», так высок процент тех, кто не может назвать свою нынешнюю семью образцом, на который они хотели бы ориентироваться.

Что представляет собой «внешне благополучная семья»? Это семья полная, где оба родителя работают, ведут вполне просоциальный образ жизни, не имеют явных конфликтов с ребенком. Однако зачастую и в такой семье ребенку уделяется крайне мало внимания. Это объясняется высокой занятостью, работой («надо содержать семью»). Нередко недостаточное внимание объясняется причинами психологического и педагогического порядка. То есть, речь идет о низком контроле за ребенком по концептуальным соображениям. Ему предоставляется максимальная свобода в принятии решений, что связывается с доверием к нему, уважением его как личности, желанием развивать его самостоятельность. Однако, как показали специальные исследования (Массен и др., 1987), именно такие семьи «дают» более высокие показатели девиантного поведения детей. Более того, отсроченные, спустя годы, опросы детей, выросших в таких семьях, показывают их малую удовлетворенность своим детством, несмотря на предоставляемую им свободу. Забота родителей об уважении свободы личности ребенка воспринимается самими детьми как отсутствие заботы о нем, недостаток внимания и эмпатийного взаимодействия.

Сейчас разрабатывается комплекс мер по профилактике противоправного поведения и агрессии несовершеннолетних. В связи с этим, мы считаем важным и полезным организацию и проведение ежегодных Всероссийских конкурсов на лучшие региональные практики профилактики асоциального поведения. Такие

Девиантные подростки значительно более негативно воспринимают свою родительскую семью, что в целом вполне ожидаемо. Этот факт еще раз доказывает решающее влияние семьи, системы отношений в ней на формирование девиантного, асоциального поведения подростков

конкурсы – это и стимуляция, и мотивация повышения активности и эффективности деятельности в данном направлении отдельных образовательных учреждений, муниципальных образований и регионов в целом. Кроме того, кон-

Нередко недостаточное внимание объясняется причинами психологического и педагогического порядка. То есть, речь идет о низком контроле за ребенком по концептуальным соображениям. Ему предоставляется максимальная свобода в принятии решений, что связывается с доверием к нему, уважением его как личности, желанием развивать его самостоятельность

курсы обеспечивают возможность психолого-педагогического, аналитического и экспертного обобщения практик, что, конечно, очень важно. На основе всего этого становится реальным формирование методических, практических рекомендаций, что не только важно, но и крайне необходимо, практически полезно и востребовано.

Забота родителей об уважении свободы личности ребенка воспринимается самими детьми как отсутствие заботы о нем, недостаток внимания и эмпатийного взаимодействия

Мы проанализировали материалы одного из крупных грантовых конкурсов, который посвящен программам профилактики асоциального поведения и преступности несовершеннолетних, безнадзорности и беспризорности, а также реабилитации и ресоциализации таких детей и подростков (Реестр проектов, URL: <http://fond-detyam.ru/granty-fonda/reestry-innovatsionnykh-sotsialnykh-proektov/2017/>). Анализ представленных конкурсных заявок на уровне постановки задач показывает актуальные направления профилактической и реабилита-

онной работы по данному направлению. Например, в большинстве программных материалов ставится задача повышения квалификации специалистов, работающих с несовершеннолетними из группы социального риска, склонными к совершению правонарушений, а также с их семьями. При этом обращается вни-

мание на необходимость создания методического обеспечения для повышения профессиональной компетентности специалистов. Также ставится задача и подчеркивается необходимость разработки и внедрения новых программ

и технологий работы с несовершеннолетними группы риска с целью профилактики асоциального и делинквентного поведения.

Во многих программных материалах подчеркивается актуальность и выделяется задача организации межведомственного взаимодействия, непрерывного межведомственного со-

циально-правового и социально-психологического сопровождения несовершеннолетних, склонных к противоправному поведению. Возникает вопрос, почему вновь и вновь эта проблема ставится как актуальная задача при разработке профилактических программ, хотя очевидность этого подхода уже давно всем ясна? В связи с этим, было бы интересно проанализировать на организационном и методическом уровне предлагаемые практики, чтобы понять, что в них не работает, а что работает, но не с ожидаемой эффективностью.

Литература:

- Арестова О.Н., Махмудова С.Х. Субъективная презентация семейных отношений на разных уровнях осознанности (на примере подросткового возраста) // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2018. – №1 – С. 55–69.
- Зимбардо Ф., Коломбе Н. Мужчина в отрыве. Игры, порно и потеря идентичности. – Москва, 2017.
- Ениколопов С.Н., Кузнецова Ю.М., Чудова Н.В. Агрессия в обыденной жизни. – Москва, 2014.
- Игошев К.Е., Миньковский Г.М. Семья, дети, школа. – Москва, 1989.
- Карабанова О.А. Детско-родительские отношения как фактор профессионального самоопределения личности в подростковом и юношеском возрасте. // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. – 2016. – №3 – С. 54–62.
- Кон И.С. Мальчик – отец мужчины. – Москва, 2009.
- Кон И.С. Психология ранней юности. – Москва, 1989.
- Концепция развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних и план по ее реализации [Электронный ресурс] // Правительство России : [сайт]. URL : <http://government.ru/docs/26901/> – (дата обращения 16 мая 2018).
- Кудрявцев И.А., Ратинова Н.А. Криминальная агрессия. – Москва, 2000.
- Развитие личности ребенка / Массен П., Конджер Дж., Каган Дж., Хьюстон А. – Москва, 1987.
- Реан А.А. Подростковая агрессия // Психология подростка: полное руководство / под ред. А.А. Реана. – Москва, 2008. – С. 324–337.
- Реан А.А. Отношение молодежи к институту семьи и семейным ценностям // Национальный психологический журнал. – 2016. – № 1. – С. 3–8. doi: 10.11621/npj.2016.0101
- Реан А.А. Психология личности. – Санкт-Петербург, 2013.
- Реан А.А. Семья, социальные установки и асоциальное поведение детей и подростков // Российский психологический журнал. – 2015. – Т. 12. – № 1. – С. 29–40.
- Реан А.А., Коломинский Я.Л. Социальная педагогическая психология. – Санкт-Петербург, 2008.
- Реан А.А., Коновалов И.А., Новикова М.А. Семья в представлении подростков с про социальным и асоциальным поведением // Мир психологии. – 2018. – № 1. – С. 75–88.
- Реестр проектов, финансируемых фондом в 2017 г. [Электронный ресурс] // Фонд поддержки детей, находящихся в трудной жизненной ситуации : [сайт]. URL: <http://fond-detyam.ru/granty-fonda/reestry-innovatsionnykh-sotsialnykh-proektov/2017/> – (дата обращения 5 июня 2018).
- Ремшмидт Х. Подростковый и юношеский возраст. Проблемы становления личности. – Москва, 1994.
- Российское общество и вызовы времени. В 2 кн. / под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. – Москва, 2015.
- Семья: психология, педагогика, социальная работа / под ред. А.А. Реана. – Москва : АСТ, 2010.
- Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А. Цифровое поколение России. Компетентность и безопасность. – Москва, 2017.
- Юревич А.В. Нравственное состояние современного российского общества: эмпирические оценки // Вопросы психологии. – 2016. – № 6. – С. 49–62.
- Buelga, S., Prieto, A.B., & Cava, M.J. (2017) Differences in family climate and family communication among cyberbullies, cybervictims, and cyber bully-victims in adolescents. *Computers in Human Behavior*, 76, 164–173. doi: 10.1016/j.chb.2017.07.017
- Cavanagh, S.E. (2008) Family structure history and adolescent adjustment. *Journal of Family Issues*, 29, 944–980. doi: 10.1177/0192513X07311232
- Fang, C.Y., Egleston, B.L., Brown, K.M., Lavigne, J.V., Stevens, V.J., Barton, B.A., Chandler, D.W., & Dorgan, J.F. (2009) Family cohesion moderates the relation between free testosterone and delinquent behaviors in adolescent boys and girls. *Journal of Adolescent Health*, 44, 590–597. doi: 10.1016/j.jadohealth.2008.11.018
- Fomby, P., & Cherlin, A.J. (2007) Family Instability and Child Well-Being. *American Sociological Review*, 72, 181–204. doi: 10.1177/000312240707200203
- Fomby, P., & Sennott, C. (2013) Family Structure Instability and Mobility: The Consequences for Adolescents' Problem Behavior. *Social Science Research*. doi: 10.1016/j.ssresearch.2012.08.016
- Guo, S. (2018) A model of religious involvement, family processes, self-control, and juvenile delinquency in two-parent families. *Journal of Adolescence*, 63, 175–190. doi: 10.1016/j.adolescence.2017.12.015
- Heard, H.E. (2007a) The family structure trajectory and adolescent school performance. *Journal of Family Issues*, 28, 319–354. doi: 10.1177/0192513X06296307
- Heard, H.E. (2007b) Fathers, mothers, and family structure: family trajectories, parent gender, and adolescent schooling. *Journal of Marriage and Family*, 69, 435–450. doi: 10.1111/j.1741-3737.2007.00375.x
- Kaya, F., & Buzlu, S. (2016) Effects of aggression replacement training on problem solving, anger and aggressive behaviour among adolescents with criminal attempts in Turkey: A quasi-experimental study. *Archives of Psychiatric Nursing*, 30, 729–735. doi: 10.1016/j.apnu.2016.07.001
- Larsen, C.A. (2013) The Rise and Fall of Social Cohesion: The Construction and De-construction of Social Trust in the US, UK, Sweden and Denmark, 12. United Kingdom, Oxford University Press. doi: 10.1093/acprof:oso/9780199681846.001.0001
- Li, M., Johnson, S. B., Musci, R. J., & Riley, A. W. (2017) Perceived neighborhood quality, family processes, and trajectories of child and adolescent externalizing behaviors in the United States. *Social Science & Medicine*. 192, 152–161. doi: 10.1016/j.socscimed.2017.07.027.
- Millennials in Adulthood (2014, Murch 7). Pew Research Center: <http://www.pewsocialtrends.org/2014/03/07/millennials-in-adulthood/> (Accessed Oct 10, 2017).
- Pavlova T.S., Kholmogorova A.B. (2017). Psychological factors of social anxiety in Russian adolescents. *Psychology in Russia: State of the Art*, 10(2), 179–191. doi: 10.11621/npj.2017.0212

- Shaheen, A.M., Hammad, S., Haourani, E.M., & Nassar, O.S. (2018) Factors affecting Jordanian school adolescents' experience with being bullied. *Journal of Pediatric Nursing*, 38, e66–e71. doi: 10.1016/j.pedn.2017.09.003
- Shetgiri, R. (2013) Bullying and victimization among children. *Advances in pediatrics*, 60(1), 33–51. doi: 10.1016/j.yapd.2013.04.004
- Wang, H.Y., & Wang, S.H. (2010) User acceptance of mobile internet based on the unified theory of acceptance and use of technology: Investigating the determinants and gender differences. *Social Behavior and Personality: an international journal* 38(3), 415–426. doi: 10.2224/sbp.2010.38.3.415
- Wang, X., Yang, L., Gao, L., Yang, J., Lei, L., & Wang, C. (2017) Childhood maltreatment and Chinese adolescents' bullying and defending: The mediating role of moral disengagement. *Child Abuse & Neglect*, 69, 134–144. doi: 10.1016/j.chiabu.2017.04.016
- Wang, P., Hsiao, R.C., Chen, L.M., Sung, Y., Hu, H., & Yen, C. (2018) Associations between callous-unemotional traits and various types of involvement in school bullying among adolescents in Taiwan. *Journal of the Formosan Medical Association = Taiwan yi zhi*.
- Volk, A., Schiralli, K., Xia, X., Zhao, J., & Dane, A. (2018) Adolescent bullying and personality: A cross-cultural approach. *Personality and Individual Differences*, 125, 126–132. doi: 10.1016/j.paid.2018.01.012
- Voulgaridou, I., & Kokkinos, C. M. (2015) Relational aggression in adolescents: A review of theoretical and empirical research. *Aggression and Violent Behavior*, 23, 87–97. doi: 10.1016/j.avb.2015.05.006
- Yüksel-Sahin, F. (2015a) An examination of bullying tendencies and bullying coping: behaviors among adolescents. *Soc. Behav. Sci.* 191, 214–221. doi: 10.1016/j.sbspro.2015.04.415
- Zinchenko Yu. P., Zotova O. Yu., Tarasova L.V., Gaidamashko I. V. (2016). The contamination of young people's notions about narcotics and psychoactive substances as a threat to psychological security. *Psychology in Russia: State of the Art*, 9(2), 39–53. doi: 10.11621/pir.2016.0204

References:

- Arestova, O.N., & Mahmudova, S.Kh. (2018) Subjective presentation of family relations at different levels of awareness (on the example of adolescence). *[Vestnik Moskovskogo universiteta]*. Series 14. Psychology, 1, 55–69.
- Buelga, S., Prieto, A.B., & Cava, M.J. (2017) Differences in family climate and family communication among cyberbullies, cybervictims, and cyber bullying victims in adolescents. *Computers in Human Behavior*, 76, 164–173. doi: 10.1016/j.chb.2017.07.017
- Cavanagh, S.E. (2008) Family structure history and adolescent adjustment. *Journal of Family Issues*, 29, 944–980. doi: 10.1177/0192513X07311232
- Concepts for the development of the system for the prevention of neglect and juvenile delinquency and the plan for its implementation. *[Pravitel'stvo Rossii]*. Retrieved from: <http://government.ru/docs/26901/> (Accessed May 16, 2018).
- Enikolopov, S.N., Kuznetsova, Yu.M., & Chudova, N.V. (2014) Aggression in everyday life. Moscow.
- Fang, C.Y., Egleston, B.L., Brown, K.M., Lavigne, J.V., Stevens, V.J., Barton, B.A., Chandler, D.W., & Dorgan, J.F. (2009) Family cohesion moderates the relation between free testosterone and delinquent behaviors in adolescent boys and girls. *Journal of Adolescent Health*, 44, 590–597. doi: 10.1016/j.jadohealth.2008.11.018
- Fomby, P., & Cherlin, A.J. (2007) Family Instability and Child Well-Being. *American Sociological Review*, 72, 181–204. doi: 10.1177/000312240707200203
- Fomby, P., & Sennott, C. (2013) Family Structure Instability and Mobility: The Consequences for Adolescents' Problem Behavior. *Social Science Research*. doi: 10.1016/j.ssresearch.2012.08.016
- Gorshkova, M.K., & Petukhova, V.V. (Eds.) (2015) Russian society and the challenges of time. 2 books. Moscow.
- Guo, S. (2018) A model of religious involvement, family processes, self-control, and juvenile delinquency in two-parent families. *Journal of Adolescence*, 63, 175–190. doi: 10.1016/j.adolescence.2017.12.015
- Heard, H.E. (2007a) The family structure trajectory and adolescent school performance. *Journal of Family Issues*, 28, 319–354. doi: 10.1177/0192513X06296307
- Heard, H.E. (2007b) Fathers, mothers, and family structure: family trajectories, parent gender, and adolescent schooling. *Journal of Marriage and Family*, 69, 435–450. doi: 10.1111/j.1741-3737.2007.00375.x
- Igoshev, K.E., & Minkovsky, G.M. (1989) Family, children, school. Moscow.
- Karabanova, O.A. (2016) Child-parent relations as a factor of professional self-determination of the person in adolescence and adulthood. *[Vestnik Moskovskogo universiteta]*. Series 14. Psychology, 3, 54–62.
- Kaya, F., & Buzlu, S. (2016) Effects of aggression replacement training on problem solving, anger and aggressive behaviour among adolescents with criminal attempts in Turkey: A quasi-experimental study. *Archives of Psychiatric Nursing*, 30, 729–735. doi: 10.1016/j.apnu.2016.07.001
- Kon, I.S. (2009) The boy is the father of a man. Moscow.
- Kon, I.S. (1989) Psychology of early adolescence. Moscow.
- Kudryavtsev, I.A., & Ratinova, N.A. (2000) Criminal aggression. Moscow.
- Larsen, C.A. (2013) The Rise and Fall of Social Cohesion: The Construction and De-construction of Social Trust in the US, UK, Sweden and Denmark, 12. United Kingdom, Oxford University Press. doi: 10.1093/acprof:oso/9780199681846.001.0001
- Li, M., Johnson, S. B., Musci, R. J., & Riley, A. W. (2017) Perceived neighborhood quality, family processes, and trajectories of child and adolescent externalizing behaviors in the United States. *Social Science & Medicine*. 192, 152–161. doi: 10.1016/j.socscimed.2017.07.027.
- Massen, P., Conger, J., Kagan, J., & Houston, A. (Eds.) (1987) Development of the child personality. Moscow.
- Millennials in Adulthood (2014, Murch 7). Pew Research Center: <http://www.pewsocialtrends.org/2014/03/07/millennials-in-adulthood/> (Accessed Oct 10, 2017).
- Pavlova T.S., Kholmogorova A.B. (2017). Psychological factors of social anxiety in Russian adolescents. *Psychology in Russia: State of the Art*, 10(2), 179–191. doi: 10.11621/pir.2017.0212

- Rean, A.A. (2008) Adolescent aggression. [*Psikhologiya podrostka: polnoe rukovodstvo*]. Moscow, 324–337.
- Rean, A.A. (2016) The attitude of young people to the institution of the family and family values. *National Psychological Journal*, 1, 3–8. doi: 10.11621/npj.2016.0101
- Rean, A.A. (2013) Psychology of Personality. St. Petersburg.
- Rean, A.A. (2015) Family, social attitudes and antisocial behavior of children and adolescents. [*Rossiiskij psikhologicheskij zhurnal*], 12(1), 29–40.
- Rean, A.A., & Kolominsky Ya.L. (2008) Social educational psychology. St. Petersburg.
- Rean, A.A., Konovalov, I.A., & Novikova, M.A. (2018) Family in the representation of adolescents with prosocial and antisocial behaviour. [*Mir Psikhologii*], 1, 75–88.
- Rean, A.A. (Ed.) (2010) Family: psychology, pedagogy, social work. Moscow, AST.
- Register of projects funded in 2017. [*Fond podderzhki detey, nakhodyashchikhsya v trudnoy zhiznennoy situatsii*]. Retrieved from: <http://fond-detyam.ru/granty-fonda/reestry-innovatsionnykh-sotsialnykh-proektov/2017/> (Accessed June 5, 2018).
- Remshmidt, Kh. 1994 Adolescent and youthful age. Issues of personality development. Moscow.
- Shaheen, A.M., Hammad, S., Haourani, E.M., & Nassar, O.S. (2018) Factors affecting Jordanian school adolescents' experience with being bullied. *Journal of Pediatric Nursing*, 38, e66–e71. doi: 10.1016/j.pedn.2017.09.003
- Shetgiri, R. (2013) Bullying and victimization among children. *Advances in pediatrics*, 60(1), 33–51. doi: 10.1016/j.yapd.2013.04.004
- Soldatov, G.U., Rasskazova, E.I., & Nestik, T.A. (2017) Digital generation of Russia. Competence and safety. Moscow.
- Yurevich, A.V. (2016) Moral state of modern Russian society: empirical estimates. [*Voprosy psikhologii*], 6, 49–62.
- Wang, H.Y., & Wang, S.H. (2010) User acceptance of mobile internet based on the unified theory of acceptance and use of technology: Investigating the determinants and gender differences. *Social Behavior and Personality: an international journal* 38(3), 415–426. doi: 10.2224/sbp.2010.38.3.415
- Wang, X., Yang, L., Gao, L., Yang, J., Lei, L., & Wang, C. (2017) Childhood maltreatment and Chinese adolescents' bullying and defending: The mediating role of moral disengagement. *Child Abuse & Neglect*, 69, 134–144. doi: 10.1016/j.chiabu.2017.04.016
- Wang, P., Hsiao, R.C., Chen, L.M., Sung, Y., Hu, H., & Yen, C. (2018) Associations between callous-unemotional traits and various types of involvement in school bullying among adolescents in Taiwan. *Journal of the Formosan Medical Association = Taiwan yi zhi*.
- Volk, A., Schiralli, K., Xia, X., Zhao, J., & Dane, A. (2018) Adolescent bullying and personality: A cross-cultural approach. *Personality and Individual Differences*, 125, 126–132. doi: 10.1016/j.paid.2018.01.012
- Voulgaridou, I., & Kokkinos, C. M. (2015) Relational aggression in adolescents: A review of theoretical and empirical research. *Aggression and Violent Behavior*, 23, 87–97. doi: 10.1016/j.avb.2015.05.006
- Yüksel-Sahin, F. (2015a) An examination of bullying tendencies and bullying coping: behaviors among adolescents. *Soc. Behav. Sci.* 191, 214–221. doi: 10.1016/j.sbspro.2015.04.415
- Zimbardo, F., & Kolombe, N. (2017) The man in isolation. Games, porn and identity loss. Moscow.
- Zinchenko Yu. P., Zotova O. Yu., Tarasova L.V., Gaidamashko I. V. (2016). The contamination of young people's notions about narcotics and psychoactive substances as a threat to psychological security. *Psychology in Russia: State of the Art*, 9(2), 39–53. doi: 10.11621/pir.2016.0204